

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ТИМОФЕЕВИЧА ЛИСОВСКОГО (1929-2002)

ОН БЫЛ САМОАКТУАЛИЗИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТЬЮ

Когда я вспоминаю о Владимире Тимофеевиче Лисовском, первый появляющийся в сознании образ — это бегущий, точнее, летящий по Красной (Галерной) улице Владимир Тимофеевич. Огромный, набитый рукописями и книгами портфель летит в его руке немного на отлете. И сам Владимир Тимофеевич как бы время от времени отрывается от земли в бреющем полете, напоминая известного друга и любимца детей и молодежи — Карлсона.

Владимир Тимофеевич действительно любил молодежь, и молодежь отвечала ему взаимностью. Он умел находить общий язык даже с такими молодыми негодниками, как питерский рок-музыкант по прозвищу Свин. Когда я читал курс лекций в Шуйском государственном педагогическом университете вскоре после пребывания там Владимира Тимофеевича и по своему обыкновению провел опрос студентов, оказалось, что В.Т. Лисовский оценивается ими на уровне самых выдающихся и популярных наших российских современников.

Следующий образ Владимира Тимофеевича, возникающий в моей памяти: он сидит где-то на конференции, ученом совете, совещании и безостановочно строчит своим крупным размашистым почерком. Одновременно он слушает выступающих и еще ухитряется вклинивать реплики и переговариваться с окружающими... Одну за другой Владимир Тимофеевич выпускал свои книги, коллективные монографии и сборники под своей редакцией, организовывал и проводил масштабные всероссийские конференции по проблемам молодежи и образования. А каково это в современных условиях, знает каждый. Энергия бурлила в этом человеке, казалось, ему не будет сносу... Увы!

Он и ушел из жизни так же, как и жил, — на бегу! За три недели до смерти он летал на защиту диссертации в Тюмень, за неделю до смерти ездил на совещание в Москву. За несколько дней до смерти я встретил его на ученом совете.

Владимир Тимофеевич очень любил свою семью — свою жену, сына, внуков, своих друзей, своих сотрудников. Он успел написать и выпустить в свет свои главные работы по социологии молодежи, у него остались ученики по всей России и СНГ, он вырастил сына-социолога, он порадовался защите кандидатской диссертации по литературоведению его любимой внучкой Полиной.

Конечно, Владимир Тимофеевич тяжело переживал распад СССР и все «свинцовые мерзости» нашего «дикого капитализма». И все-таки, главное в его жизни то, что он не зарыл свой талант в землю, по-настоящему самореализовался во всех основных жизненных сферах. И, наверное, самое главное — он очень многим сделал добро...

*В.Е. Семенов,
директор НИИКСИ СПбГУ*

УЧЕНИК ОБ УЧИТЕЛЕ

Не стало Владимира Тимофеевича Лисовского. Огромная потеря для социологии молодежи, создателем которой он является, для всей нашей науки. Ушел из жизни не только выдающийся ученый, но и замечательный человек, прекрасный педагог. А для меня, проработавшего с ним бок о бок более 30 лет — это еще и потеря учителя и старшего товарища. Эти 30 лет были самым интересным временем в моей жизни, в жизни лаборатории проблем молодежи НИИКСИ СПбГУ (которую Владимир Тимофеевич создал в 1966 г.) и в жизни самого Владимира Тимофеевича. Именно в эти годы он стал доктором наук, профессором, а затем и членом-корреспондентом Российской академии образования. И мы, его сотрудники, росли вместе с ним. Именно так — росли вместе. Ибо он творил и рос сам и одновременно создавал поле творчества и роста своим сотрудникам, никогда не мешая осуществлению любого индивидуального замысла, а лишь одобряя, помогая, поддерживая. Наша работа под руководством этого замечательного человека была не столько сотрудничеством, сколько содружеством единомышленников. А когда пришли тяжелые 1990-е годы, все это сказалось: лаборатория сохранилась и по сей день работает в своем основном, собранном под крылом Владимира Тимофеевича составе. Из нашей лаборатории вышли крупные ученые и педагоги: В. Панферов, З. Сикевич, Е. Смирнова, Г. Ковалев, Т. Петрова. Еще больше из НИИКСИ, которым он руководил в 1990-е годы. О тех, кто с гордостью относит себя к питомцам школы Лисовского, без преувеличения можно сказать — нас не только сотни, нас легион. И в России, и за рубежом.

Увы, уходят дни. Они будут быстро складываться в месяцы и годы. Уже без Владимира Тимофеевича. Но «без» — это для следующих поколений молодых ученых. А для нас уже до конца «с ним», ставшим частичкой нашей жизни, нашего научного мироощущения. Он всегда будет с нами, а мы с ним: с веселым, остроумным, стремительным, неугомонным, но, если требовалось, и жестким, непримиримым к разного рода негодяйству и несправедливости, и в тоже время бодрим, искренним и доверчивым, как ребенок. И никогда ни па что не жалуемся.

27 апреля мы вдвоем вышли из НИИКСИ. Владимир Тимофеевич дошел до ворот, оглянулся на здание института. Потом сказал: «А все-таки мы неплохо здесь пожили». И улыбнулся. Той самой, хорошо знакомой многим улыбкой, которой мог улыбаться только он. А 6 мая его не стало.

*А.А. Козлов, зав. лабораторией проблем
молодежи НИИКСИ СПбГУ*

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДОГОНЯЛ СВОЙ ПОРТФЕЛЬ

Преодолевая робость, я вошла в большую комнату, почти зал, освещенную пыльной бронзовой люстрой. Из-за стола стремительно поднялся моложавый, несколько растрепанный мужчина с ободряющей улыбкой на лице: «Ну что, Зина, будем работать!»

Этот день, в первых числах 1967 года, — был для меня первым рабочим днем в только что образованной лаборатории социологических проблем студенчества, руководителем которой был назначен тогда еще младший научный сотрудник В.Т.Лисовский. Это первое впечатление — открытое улыбающееся лицо и движение навстречу — сохранилось в копилке памяти по сей день.

Также, как и звонок поутру (часов в 10): «Извини, Зина, что я тебя разбудил, но сегодня в 10 заседание лаборатории, смотри, чтобы в последний раз». И это «в последний раз» повторялось и со мной и с другими не единожды — мы были тогда молоды и любили поспать.

Спустя несколько лет, в начале семидесятых, на конференции в Каунасе мы перешли с Лисовским на «ты», естественно, по его инициативе, и с тех пор он навсегда останется для меня Володей, а не Владимиром Тимофеевичем.

Для того времени Володя был руководителем редкостным — именно благодаря ему уже через год наша лаборатория стала не просто некоторым количеством философов, психологов, юристов, филологов (как я), обучающихся социологии, а — коллективом.

В те годы, когда понятие «коллектив» было дежурной идеологией, мы действительно стали сообществом близких по духу людей, которые не только работали, но и отдыхали вместе, отмечали семейные праздники, ободряли, поддерживали и выручали друг друга. И сейчас я понимаю — это случилось во многом благодаря Володе, нашему не только формальному, но и неформальному лидеру.

В его характере было что-то детское: он легко и «бурно» обижался, но так же эмоционально прощал своего «обидчика», мог отругать (чаще за дело), а наутро завести разговор как бы совсем по другому поводу, на самом же деле для того, чтобы замять невольную резкость, чтобы помириться.

Ни один из наших директоров (а Володя был шестым по счету директором НИИК-СИ) так самозабвенно не любил наш общий Дом, который для многих из нас был и остается нашим «Царкосельским лицеем», где мы становились не только социологами, но и просто становились людьми.

Володя не умел ходить медленно: даже не опаздывая, он всегда мчался по Красной как бы вдогонку за своим огромным портфелем.

Таким он и останется в нашей общей памяти — человек, который мчится по жизни, догоняя свой портфель с идеями, планами, мечтами. Может быть, что-то удастся закончить нам, его ученикам.

З.В. Сикевич
профессор факультета социологии СПбГУ

Вот так и уходят — в преддверье последнего лета,
Внезапно упав на бегу жизни полной, большой.
Внезапно уходят ученые, дети, поэты,
Пусть даже не строчкой поэты, а просто — душой.
Ушел он, оставив все в прошлом: и счастье, и беды.
На вечный покой он, такой беспокойный, ушел.
Вот так и уходят — на фоне весны,
одержавшей победу,
Уходят с весенней, теперь уж навечно, душой.

Н.И. Боечко